

Евгений Гропянов

АТАМАН

41.

P2
Г87

Евгений Гропянов

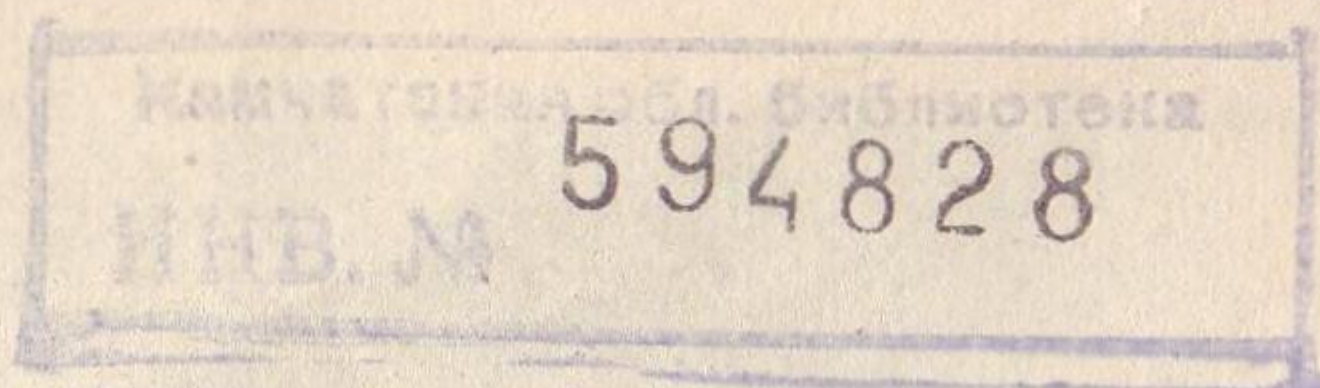
АТАМАН

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ

Камчатское отделение
Дальневосточного
книжного издательства

P-2
Г 86

Историческая повесть Е. Гро-
пянова «Атаман» рассказывает
о том, как в конце XVII века
была впервые исследована
Камчатская земля казачьим
отрядом Владимира Атласова.
Кроме повести, книга содер-
жит исторические рассказы о
событиях трагичных и героиче-
ских, происшедших на Камчат-
ке в XVIII веке.

Художник Н. Горбунов

АТАМАН

Не каждому дано узнать глухариную тайну: исчезает она вместе с птичьей жизнью. Но стоит запастись терпением и приглядеться повнимательнее к танцу глухаря, когда он токует, как увидишь: сидит на его спине маленький человечек. Только заметишь его, замри. И тогда тайна глухаря покорится тебе.

Маленький человечек, оказывается, не один. Вон, вон еще один спрятался в глухариних перьях. А вот — каков смельчак! — сел на голову глухаря и кому-то грозит... казацкою пикою. Тут, если вы и дальше будете терпеливыми, заприметите, что человечки похожи на казаков. Ни дать ни взять — настоящие казаки: и палаш на боку, и пика в руке, и тулуп овчинный, и шапка островерхая, и сапоги яловые. А лицо истовое, бородатое, с глазами горящими, колкими. Как устоишь перед таким взглядом?

Нет превыше желания схватить человечка. Не утерпишь, двинешь рукой, и исчезает все. Потом долго протирать глаза будешь — да полно, были ли человечки, не померещилось ли, иль перебрал с вечера... И кому ни расскажешь, смеются. Видано ль подобное?

Лишь старики поддержат.

— То пихлачи, лесные человечки, гномы камчатские. А что на казаков походят... Так с казаков и пошла слава Камчатки.

Сначала из-под горы кухлянок показалась крепкая волосатая рука, которая стала шарить по полу. Ничего не нащупав, рука недовольно содрала кухлянки, и тогда голова свесилась с нар и пристально, стараясь разобраться в полутьме, принялась что-то высматривать. Неудовлетворенно хмыкнув, голова втянулась под кухлянки, но через минуту послышалось ворчание, затем кашель и, наконец, крик:

— Иван, чертова душа!

Из-за печки, заспанный и взъерошенный, вылез Иван и, потягиваясь, выбирая из волос соломинки, лениво подошел к нарам.

— Чего изволите?

Под кухлянками—молчание. Иван склонился над на-

рами и прислушался — тихо. Он даже дыхание затаил. Вдруг метнулась молнией рука и, схватив Ивана за грудки, почти затащила его под кухлянки.

— Ой! — вскрикнул Иван.

— Я те дам — ой! Где настойка?

— Батюшкой Федосием велено убрать по случаю вредности вам, Владимир Васильевич. — Иван пытался высвободиться. — Болеете вы.

— Что твой Федосий понимает — вредность. Неси сейчас же. Пропотел, полегчало. Лежать тоскливо.

— Оно верно, — соглашался Иван, — да батюшка...

— Задолдонил — батюшка, батюшка... Неси.

Рука ослабла. Иван распрямился, одернул рубаху, повел шеей — свело — и сказал:

— Не велено, Владимир Васильевич.

— Ирод! — донеслось из-под кухлянок. — Встану — выпорю.

— Негоже ругаться, Владимир Васильевич.

— Убивец!.. Дай чаю...

Чугунок с чаем стоял в печке. Чай был редкостен, почитался за первейший напиток после браги. Считалось, чугунок достаточно, чтобы любую хворь вышибить из человеческого тела. Владимир Васильевич пил второй чугунок, но болезнь пересиливалась с потугами, и уже дьякон Федосий втайне от всех готовил заупокойную пятидесятнику, коменданту Анадырского острога Владимиру Васильевичу Атласову.

Однако, что могло сломить Атласову жизнь? Мало ли он хаживал по Сибири, мало ли он видывал смертушки. Да не слетел с высоты тот ангел, который бы спосилился поднять на небеса его душу.

Долго ворочался Атласов, долго поскрипывали нары, заставляя вздрагивать во сне Ивана. Наконец, Атласов заснул и увидел радужный сон.

К двору устюжского стольника Михаила Арсеньева тянулись по утренней прохладе казаки. Они шли большими шагами, поднимая клубы пыли. Завистливые мальчишки смотрели на болтавшиеся казацкие палаши и просили:

— Дядька, дай порубать.

И казаки отвечали:

— Малы ишшо, рубаки.

А среди казаков гордо и независимо шел он, Владимир Атласов. Ему было тогда шестнадцать годков, но ростом и плечами он — настоящий казак. Вот кого не ожидали увидеть мальчишки. Володьку поверстали в казаки и палаш дали!

— Володька! — кричат они во все горло. — От стольника погоду домой. Сказать кой-что надо-ть!

Он, стараясь не замечать восторга своих соплеменников, тоже поднимает клубы пыли и важно молчит. Государева служба, чай, не шутка. Недаром отец, узнав, что сына поверстали, сказал ему:

— Сейчас ты нужный человек Отечеству. Служи не за карман, а за совесть. Врагов России не щади, земли крепко держи. Ведь мы с тобой пол-Сибири откочевали, а ей не видать ни конца, ни края.

Стольник Михаил Арсеньев выплыл на крыльцо после еды. Он дышал тяжело, и Владимир с завистью подумал: «Быка, наверно, съел».

— Соболя государю нужно много, ребятушки, для торговли с заокеанскими странами. Ихние мужики да бабы, говорят, до соболя жутко охочи. На вас большая надежда.

Появились кони. Они били копытами, подзывая седоков. Казаки вскочили враз в седла. По городу проезжали медленно, и девки махали им вслед, и он, Владимир, все оглядывался, желая увидеть заветный платочек,

но увидел отца, который, сложив ладони трубой, кричал:

— Ты нужен Отечеству!

И везде отзывалось: ну-жен-жен-жен...

А как выехали за ворота, гикнули, рванули с места, но с полверсты остановились и оглянулись на город. Он купался в солнце и, казалось, застыл в оцепенении. Заныло сердце, да впереди путь дальний.

На третий день, к вечеру, Атласов вылез из-под кухлянок. Не было твердости в ногах. Но он, пересиливая себя, подбрел к оконцу, поскреб его пальцем, стараясь рассмотреть, что же делается на улице, но медвежий пузырь гремел, как бубен, и был сегодня совсем непроницаем — пурга. Постояв у оконца и представив, какое сейчас веселье у кабатчика, Атласов поискал глазами тулуп. Его не оказалось ни на крюке, ни в углу.

«Иван спрятал», — подумал он, и от возникшего препятствия еще сильнее потянуло к друзьям. Толкнул в дверь. Не поддается. Ногой шибанул. Не открывается. Тогда затарабанил кулаками. За дверью звякнуло, затопало, заухало, и с клубами пара ввалился Иван.

— Где был? — вскипел Атласов.

— Там нету, — буркнул Иван.

— Отыщи тулуп.

— Кабак закрыт. У Федьки-кабатчика ноги выворачивает по такой погоде.

— У этого бугая силы на троих!

— Всего не выпьешь, всего не продашь. У леченья свои порядки. Подчинишься — не сдохнешь. — Иван отыскал жирник. — Все дороги, Владимир Васильевич, переметаны. Сейчас пивнем чайку и на боковую.

— Отлежал уж бока, — буркнул Атласов, примостившись на корточках у печки и поглядывая на хлопоты Ивана.

— Иван, — спросил Атласов, — ты бывал на Енисее?

— Когда было, — махнул рукой Иван.
— Оттуда у тебя и прозвище Енисейский?
— Дочь дворянскую выкрал на Енисее... Повенчались потом... Сейчас сынов растит в Иркутске.

— Ишь ты, ловок, — удивленно сказал Атласов.
— В походе увидите.

— Откуда о походе знаешь! — привстал Атласов. Не столько удивление, сколько тревога охватила его сердце. Дороги небезопасны, и ранняя весть о походе казаков всколыхнет тундру. Тропы будут перекрыты.

— Подметил, уж больно молчалив Морозко... Толмачом мне запрягаться?

— А то кому ж прикажешь! — глаза Атласова недоверчиво и зло обскакивали лицо Енисейского, который спокойно улыбался. — Только язык за зубами держи. Не простое дело загубить сможешь. — И смолк. Что ему еще скажешь, когда по глазам видно — умен и словам знает толк. Ведь не зря запомнил все местные языки, в таких переделках побывал, что как и выбрался живым, не известно. Говорят, знает много заветных слов как якутов, так и чукоч, а теперь выучился и корякскому языку.

— Налей-ка чаю, да покрепче, — попросил Атласов и нехотя полез под кухлянки: знобило.

Зимой 1696 года Атласов позвал к себе десятника Луку Морозко. Вытолкали взашей всех писарей, проверили дверные запоры.

— Садись, Лука, — сказал Атласов, — садись и разговор вести будем. Лука, ты знаешь Чукотскую землю? А что южнее ее? Тебе ведомо?

— Говорят, тоже земля.

— А какая она, Лука?

— Не знаю. От чукоч слышал: богата соболями.

— В Якутске о ней только и разговоров. Настало время проверить слухи. Соболя нужны казне, земли новые — России. Для чего на одном месте сидим, порты протираем? Али мы не казаки? — Атласов заговорил возбужденно, глаза вспыхнули угольками, и Морозко подумал: «Волк, чисто волк».

— Слушай, — Атласов ладонью по-дружески хлопнул десятника по плечу, — ты найдешь реку Опуку. Болтают о ней много. Примечай все. Я тебе дам людей, ружья, порох. Ты должен волком проскочить туда и обратно и принести сведения об этой неизвестной земле.

«Не ясновидец ли?» — дернулся Лука и с блаженным страхом вперился в глаза атамана. Атласов, подумав, что Лука вознамерился уходить, придержал его за локоть.

— На тебя большая надежда.

Едва минула неделя после выступления Луки Морозко в Камчатку, в ворота Анадырского острога постучал пришелец. Его впустили, скрутили руки и поволокли к Атласову.

Он и не сопротивлялся. Атласов, увидев окоченевшего, обессиленного человека, велел отвести его в казенку — пусть проспится, но приставил караул — на всякий случай.

Допрашивал на следующий день. Сел рядом с писарем, который икал и каждый раз после икания жалобно вздыхал. Атласов нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Пришельца ввели. Задавал вопросы:

— Где бывал?

Отвечал: На Яике, Онеге, Иртыше.

— Почему здесь?

— Прокутил все дотла в Якуцке, в окраинном кабаке. Терять было нечего, вот и подался на восток, землю

искать. Больше года бреду. Слава богу — острог, а то бы помирать пришлось.

— Звать как?

— Петька Худяк.

— С Онеги, говоришь? — переспросил Атласов.

— Из Поморья, — кивнул головой Петька, подтверждая свои слова.

— Останешься у меня и все расскажешь. Но это потом. А сейчас... Тут Атласов прикрикнул на писаря: — Да не икай ты! Вели лучше истопить баню, пусть обмоется. Поищи барахлишка, одень попримечнее. Стой, на вот, обкарнай. — Он достал из-за голенища сапога единственные в остроге ножницы. — Головой отвечаешь. — И к Худяку: — Вечером доскажешь.

Поморье, угрюмое, дикое, населенное странными молчаливыми людьми, названными чудью, осевшими по берегам Онеги, Мезени, Печеры — вплоть до Урала, с глухими поселениями у берегов Белого моря и Онежского озера, — Поморье и в годы вольности Новгорода, и после падения вечевого колокола, оплаканного боярами и увезенного в Москву, — тянуло к себе зверьем и пахотной землей, которую можно купить за бесценок, пойдя на сделку с чудской знатью, и затем приобрести на вечное пользование.

И много позже писали потомки пришельцев, отстаивая свое право на владение: «А та, государь, деревушка от веку отчина дедов и отцов наших».

Если забредали на Онегу мужики-лапотники, сбежавшие от боярина, то дивились, когда слышали названия притоков Онеги — Мокша, Кодина, Икса, — пожимали плечами, смеялись: «Ах, негодники, язык поломаешь!». Но оседали, обзаводились землицей и через год-другой уже

лопотали по-чудски, больше не потешались над названиями рек, принимали как свое, родное, один раз данное. И скажи им, что есть страна, где земли еще больше и даром, не поверят, избыют.

Чудь теснили в леса, где не скоро выкорчует толстые деревья, чтобы засеять потом политое поле.

Худяка секли на конюшне боярина Селищева. Он корчился, извивался, скрежетал зубами, а низкорослый, рыжеволосый, с мешками под глазами и обвислой на лице кожей, похожей на рябь, дворовый, с искусством, выработанным годами, вытягивал плеткой поперек лопаток. Он забивал до смерти пятьюдесятью ударами.

«Некрас, — кричит иной раз Селищев. — Этого попу-гай—и в шею!». Но часто Селищев в припадке гнева, судорожно сжимая и разжимая пальцы, будто перетирая песок, выталкивал тяжело: «Бить до издыхания...».

Человек, с понуро опущенной головой дрожал, не выдерживал, кидался в ноги, целовал подол кафтана, лобызал сапоги тонкой кожи, корчился и выл:

— Прости, владыко, пощади! Детишки! По миру пойдут! Владыко! Ты милостив! Владыко! До гроба собакой служить буду! Пощади!

Петра Худяка секли за то, что посмел с дочкой боярина заговорить. Потом его выволокли и бросили в канаву: выживет — хорошо, а бог душу возьмет — все мы смертны.

Ночью подобрал его Данила Плющев, лесник. Худяк отошел быстро: Данила поил его медом, прикладывал к ранам подорожник, заставлял дышать над паром, укрывая тулупами.

— Живи у меня, — говорил Данила.

Но Петр ушел. И сколько ни бродил он, сколько ни скитался, куда ни заглядывал — везде: и по берегам рек, и в глубокой тайге, и на берегу холодного Северного

моря, и в тундре, — везде людишки, и все при деле, и все доверчивы, и рыбки предложат, и хлеба дадут, и спать постелят. Простой люд, добрый.

Но как-то забрел на двор худого боярина. Встретил старик-сторож.

— Во время сна к боярину не суйся, не любит, — сказал он.

— Прислуга большая?

— Хватает.

— Земли есть?

— Найдутся и земли.

— Чуди не слышно?

— Не татары, мирно живут.

Приблизились к высокому старому крыльцу, побитому многими дождями. Подождали.

Выскочил на крыльцо юркий приказчик с бороденкой. На нем сидел кафтанишко с засаленными локтями и шаровары, заправленные в голенища. Петр усмехнулся — голенища кончались обыкновенными лаптями.

— Батюшка Петр Дружина почивать изволили и послушать новопришельца дозволили мне. Говори, — милостиво разрешил приказчик.

— На работу подряжаюсь. Не найдется ли чего в имении сделать?

— Кто ты?

— Петр сын Иванов Худяк.

— Вовремя пожаловал. Слушай: заготовить дров и лучины на весь год; пятьдесят жердей к зиме для крепления сена, сто веников принести для банного дела. Затем: хозяин куда пошлет, с собой ли возьмет, идти обязан будешь. А осядешь в деревне, навоз на поля подвозить будешь, ведь хлеб ясти хозяйский с вечера сегоднешнего почнешь.

— Все? — спросил смиренно Петр.

— Тебе мало? — буркнул старик-сторож. — И с этим загнешься...

— Сбежал? — спросил с любопытством Атласов.

— Утек, — кивнул Петр. — Невмоготу такая жизнь.

— Останешься при мне. О себе много не болтай — донесут и упрячут. А мне смелые люди нужны.

— Посылай хоть куда.

— Посмотрим, — усмехнулся Атласов. — Стрелять умеешь?

— Из лука.

— Так не пойдет. Из ружья надо учиться.

Всю зиму, а потом лето и осень Худяк назначался в караульные. Он выучился метко стрелять и быстро перезаряжать ружье. Когда Петька заступал на смотровую башню, острог спал спокойно: не было еще такого, чтобы Петька Худяк проспал хоть минуту с ружьем в руках. И Атласов все чаще и чаще отмечал среди других казаков Петьку. Его прочил в скором времени десятником. Но что было удивительно — никто не держал на него злобы: то ли открытый характер, то ли преклонение, что в одиночку путь сибирский выдюжил, то ли безбоязнь за свою судьбу и веселость языка, скрывающие твердый характер и недюжинный ум, покорили всех.

Летом Худяка одолела тоска. Как перелетной птице, не сиделось ему на месте. Привыкший к длительным странствиям, к ночевкам на воздухе, в остроге скучал, ему было душно, и если бы не привязанность к Атласову, человеку, как определил Петька, смелому, своевольному, но доброму и порой непривычно милостивому, давно бы сбежал в ту самую Камчатку, о которой столько разговоров.

К осени ждали Луку Морозко. Петька денно и нощ-

но торчал на башне, чтобы встретить отряд первым — уж очень взбудоражили его ум рассказы о Луке Морозко.

На глазах Петьки меркла тундра, как побитая молью шкура бурого медведя. Первая пороша высыпала ночью. Петька ловил на ладонь снежинки и чувствовал, как влажнится кожа. «На беляка сходить бы», — думал он. Пристроившись у бойницы так, чтобы можно краем глаза и простор обозревать, и кутаясь в тулуп, согреться, Петька представлял охоту на зайца. Вот он испугнул беляка, и тот запетлял, стараясь уйти от Петькиной стрелы, но от нее разве скроешься.

К полудню, однако, пороши как не бывало. Лишь кое-где виднелись белые клочки, но и они сокращались и вряд ли могли дотянуть до вечера — солнце раззадорилось.

Худяка долго не сменяли, запаздывали, и он уже стал спускаться по лестнице, как взгляд его приковала толпа людей.

Они медленно, через силу, будто подгоняемые плетью, тянулись к острогу. Екнуло сердце — уж не Лука ли? Зажег фитиль, ухнула холостым пушчонка. Люди, словно очнувшиеся от спячки, после выстрела побежали к воротам, и чувствовалось, что собрали они для этого рывка последние силы. Они размахивали руками, и Худяк явственно различал их лица. Нарты были брошены, и истощенные олени едва поспевали за людьми.

Худяк открыл ворота. Люди со счастливыми лицами, словно опьяненные, вступали на острожскую землю. Впереди всех тяжело шагала, стараясь не показать своей слабости, высокий казачина, и Петька сразу определил, что это и есть Лука Морозко. «Силен», — подумал он восхищенно. А навстречу Луке спешили Атласов, причитающие бабы и немногочисленные детишки.

Остановились друг против друга, словно рать против рати. Все смолкли. Лука поклонился и густо сказал:

— Вот и мы. Принимайте. По зиме ушли, по зиме и пришли.

Едва только произнес эти слова, как вновь взревели женщины, зашумела ребятня. Бросились обниматься.

— Ах, ирод разнесчастный, — сыпала одна из казачек, повисая на шее мужа. — Думала, сгинул. А ты объявился, миленький мой. Исстрадалась я. Идем домой скорее, родненький.

— Погодь, — степенно отстранял ее муж, — поспеет. Но было видно, что хмурил брови для поддержания своего величия, потому что смотрят на него с завистью молодые казаки.

Атласов тащил Луку к своему дому. За ним по привычке хвостом потянулись казаки.

— Отпусти их, — шепнул Лука.

Атласов остановился, поднял руку. Его окружили казаки. Они ждали, это видел Атласов по их лицам, по хвалам за свои мучения в тяжелой неведомой дороге. Но у него слова вдруг застряли в горле, и тогда он трижды поклонился всему кругу и крикнул:

— Отдыхай!

В воздух взметнулись малахаи, показавшиеся Атласову грачами.

Дома Атласов суетился возле печи, стараясь вытянуть котел с олениной.

— Енисейский не подвел? — спросил он, справившись с котлом.

— Наравне со всеми лямку тянул.

— В сторону не глядел?

— Тамошние девки пообезумели от него. Чисто бес.

— Бери мясо, — Атласов подал кусок отварной оленины.

— Настойки бы, атаман.

— Сам давно не прикладывался и тебя забыл попотчевать. Сейчас. — Он полез, кряхтя, под кровать, долго шарил там и, наконец, вытащил пыльную бутылку. — Ото всех схоронил. Для верности. — Он хотел было спросить: «А земля-то какова?», — но Лука засыпал, так и не попробовав настойки.

— Идем на лавку, Лука. — Атласов поддержал его за плечи. И едва Морозко коснулся головой заботливо свернутой шубы, как отяжелел.

Атласов с беспокойством вглядывался в лицо десятника: еще одна седая прядка в Морозкиной бороде. Постарел... Во сне Лука вздрагивал, шевелил губами. Снял с себя атаман душегрейку на собачьем меху и укрыл заботливо плечи своего друга. Не всяк сумеет землю изведать и людей сохранить.

Никогда над Анадырем не нависала такая чернота: многопудовые тучи придавили острог, и он задыхался. Предчувствуя недоброе, дьякон утром не встал с постели, а тыкался носом в мягкий и горячий бок своей половины и шептал: «Как хорошо, что ты у меня есть... Не случилось бы чего».

Ефросинья неохотно принимала его ласки, и дьякон, рассерженный невниманием, сильно сжал ее груди. От боли и обиды дьяконова швырнула мужа так, что тот едва не проломил стену.

— Идиот!

— Ефросиньюшка, — залепетал дьякон и, стараясь ее удержать на постели, схватил за руку.

— Как ты мне надоел, — сказала Ефросинья и, лениво отстранив дьякона, спустила на домотканый коврик полные стройные ноги.

Дьякон замолк, обидевшись, отвернулся к стене.

Уложив свое полное упругое тело в платье, Ефросинья легко и неслышно заскользила по комнате, будто ветерок подгонял пушинку. Печь вскоре была растоплена, горшки нагрелись, и тепло домашнего уюта и ласки използло под кровать и забилося во все щели. Дьякону и вылезти из-под одеяла давно пора, а он гордость показывал, обиду под подушку прятал.

Неизвестно, сколько бы еще копилась обида на Ефросинью, как в дверь добротнo застучали. Ефросинья, крикнув: «Сейчас!», — метнулась к запору, и через мгновение вместе с клубами пара ввалился в хату Володимир Атласов.

— Ах ты, господи, — только и сказала Ефросинья, подала торопливо веник. — Отряхнитесь, Володимир Васильевич. — Подлетела к дьякону: — Вставай живо! — и только тогда, поправив за печкой прическу и встряхнув груди, уже неторопливо, как и подобает истинной хозяйке, которая знает себе цену, выплыла к гостю. Тот разделся, разгладил бороду, усы, оправил рубаху и смеющимися глазами уставился на дьякона, который впрыгивал в свои штаны и совал ноги в сапоги.

— Сейчас, сейчас, — говорил он торопливо, извиняющимся голосом, на что Атласов отвечал взмахом руки — не спеши, и сам начал взглядом следить за Ефросиньей. Та от его взгляда засмущалась столь открыто, что заметил даже дьякон. А заметив, так сердито засопел, натягивая сапоги, что Атласов поинтересовался:

— Не идет?

— Распухли, проклятые, — извиняюще ответил дьякон.

— Поменьше закладывай на ночь, — отвечал Атласов.

— Не притрагиваюсь, грешно, — возразил дьякон.

— Не скажи, — вставила Ефросинья, и от такого поворота дьякон вспотел. Но сапоги заняли свое место на ногах дьякона, и он хотел было приблизиться к Атласову. Но тот недовольно цыкнул:

— Умойся, Федосий, вонит, как от козла.

— Справно вы его к порядку приучаете, Володимир Васильевич, — певуче сказала Ефросинья. — Хоть вас и послушается.

— Ефросинья! — возвысил голос дьякон, и губы его задрожали.

— Сейчас драться начнет, — сказала Ефросинья, но по виду ее нельзя было сказать, чтобы она испугалась дьякона. Видимо, такие перепалки были у них часто, так что дьякон, махнув безнадежно рукой, подошел к бадейке, запустил в нее руки и плеснул пригоршню воды на лицо.

— Полей ему на шею, — посоветовал Атласов Ефросинье, и та с ковшом приблизилась к мужу. Федосий страдальчески сморщился, однако шею оголил.

Дьякон после всей процедуры порозовел, почувствовал успокоение и, словно вспомнив, что он хозяин, спросил:

— Что случилось?

— Хочу просить совета, — ответил Атласов.

Федосий многозначительно посмотрел на Ефросинью, и та, выскочив в коридор, уже несла запотевшую бутыл. В мгновение ока были сняты с полок деревянные кружки, и дьякону от одного присутствия кружек стало до того хорошо, что он сказал:

— Садись и ты, Ефросиньюшка.

Но Атласов отодвинул кружки.

— Сначала дело.

Он помолчал. Лицо его не выдавало тайны, с которой он пришел к дьякону. Федосий тоже смолк. Его

обуяло любопытство. Он подался вперед и взглядом требовал: начинай Володимир Васильевич, чего тянешь,

— Слушай, Федосий, — начал медленно Атласов. — Ты человек бывалый. На веку своем повидал много. Сибирь-матушку исколесил. Писанием занимаешься, грамоты строчишь. Думал ты, что покою у тебя не будет всю жизнь только из-за одной мысли?

— Покой-й, — протянул Федосий и, не зная, что ответить, вновь протянул, — по-ко-ой, конечно, нужен, — добавил, — и желателен, и лишиться его, — тут дьякон возбужденно хмыкнул, — кому захочется покоя лишиться... Не-ет, таких в наше время—раз-два и обчелся. Смута настает, и все просят одного — покоя. А где его достать, взять-то где? Ни за какие деньги его не купишь, покой-то. Как тараканы, по щелям норуют, чтобы сухо и безветренно. Нового царя клянут—лишил сна праведного, о государстве думать заставил! А непривычно думать о большом, о малом-то и то с трудом, с трудом думают! По-кой! От многих мыслей покоя нет, а у тебя, Володимир Васильевич, от одной голова разболелась. Тогда ты самый покойный человек!

— Ты меня рано в покойники записываешь, Федосий, — возразил Атласов.

— Не то хотел сказать, не так выразился, — сбавил пыл дьякон.

— Если выражусь я, худо будет, — съязвил Атласов. — Зря язык утруждаешь. Все правильно. Но мысль мысли рознь, тоже понимаешь. Мы в Анадыре сидим, чтобы Россию с востока охранить и наказ государев исполняем справно. Но вот, Федосий, тебе известно, что Лука Морозко проведал о Камчатской земле.

Федосий насторожился. Раз завел разговор о Камчатском носе, то жди каких-нибудь каверз.

— И ты струхнул, — заметил, как сползли брови Фе-

досия, как осела его боевито нацеленная на Атласова борода и как сжался дьякон.

Дьякон пожал плечами, но ничего не ответил.

— А я к тебе ведь сначала пошел, — продолжал Атласов. — Все обдумал, и к тебе. Потому что знаю, со мной был во многих походах, руку крепкую имеешь. Надо, Федосий, Камчатскую землю прежде других присовокупить к державе Российской. Мы не сделаем этого, другие найдутся. И земля неизвестная, интересно глянуть, чем живут там иноземцы. Вот какая мысль покой мой давно гложет.

— Мне зачем первому говоришь? — любопытствовал Федосий.

— Али недогадлив?

— Хотелось бы слышать, — твердо ответил Федосий.

— Правой рукой хочу взять. Приводить иноверцев к единой вере надо. А то непорядок пойдет, коли к разным богам на поклон ходить будут. Ты в этом деле искусен. Более некого.

— Как Ефросинья...

— Отпустит... Отпустишь, Ефросиньюшка? — Атласов лукаво глянул на дьяконовну.

Она в продолжение разговора сидела на скамейке у печи и напряженно молчала.

Ей не хотелось, чтобы покидал острог Атласов. Да и Федосий не настолько плох, чтобы его лишаться. Ведь ласков. Но под лучистым взглядом Атласова зарделась и, кивнув головой, спросила только:

— Надолго ль?

— На год.

— Потерпим.

— И я так думаю, — шутливо ответил Атласов.

Федосий, почувствовал, что его начинают обходить в разговоре, потянулся за бутылкой.

— Выпьем.

— Давай, — согласился Атласов. — Приглашай хозяйку.

Ефросинья, покраснев, опустилась рядом с Атласовым.

— Разве что немного.

Атласов засиделся допоздна.

На утро весь острог знал: затевается поход.

Из высоких ворот, уже побитых дождями и снегами и поэтому почерневших, ранним зимним утром стали медленно, словно нехотя, выезжать олени упряжки. Каждой правил юкагир, на каждой — кожаные мешки с порохом, свинцом, ножами и топорами. Но крепче всего запряжаны мешочки с одекуем лазоревым, лентами шелковыми и стеклянными бусами. Казаки шли рядом с упряжками.

Шестьдесят упряжек вытянулись ровно, словно связанные друг с другом. Вожак поставили крепкого оленя со звездочкой на лбу. Он проторит путь для остальных и, сколько будет сил, будет идти первым. Первым будет и Атласов. А пока Атласов прошелся вдоль упряжек, приценился еще раз к вожаку, посмотрел в лицо юкагиру, который сидел нахохлившись, словно воробей на ветру, но улыбнулся, когда Атласов кивнул ему, сказал: «Ну что, Еремка, выдюжим?», — и стал возвращаться к острожным воротам. Он всматривался в лица казаков, и все кивали ему, мол, готовы, когда ж в путь. И Лука Мороз, и дьякон Федосий, и толмач Иван Козыревский уже усаживались на нарты, и, глядя на них, казаки тоже прилаживались к сиденьям, чтобы удобнее было ехать — дорога хоть и гладка на глаз, а кто незнаком с оленьей ездой, тому худо в пути — любая кочка, любая

рытвина может выбить из нарты при вихревой езде, и улетишь, словно пушинка, потом и нарты не догнать.

У острожных ворот стоял Худяк и ждал Атласова. Морозко обернулся. Он заметил, как Атласов рубанул рукой по воздуху, и подумал: «Рассержен атаман». Но еще он увидел, как подались друг к другу Худяк и Атласов, как впились друг другу обветренными губами и тискали и мяли лопатки.

Перед тем, как сесть на свою нарту, Атласов перекрестился, глядя на острог. Худяк обнажил голову:

— Надень, простынешь! — крикнул ему Атласов и после этого махнул рукой. Ждали этого взмаха с нетерпением и каким-то неведомо откуда взявшимся страхом и сейчас, когда увидели взметнувшуюся Атласову руку, рванули с места, будто поскорее хотели уйти от острога и ринуться в неизвестность, как это они делали не единожды, (каждый раз чувство тоски по обжитому месту на миг будто примораживало их к земле, но потом они со смехом рассказывали о своих переживаниях). Олени взбили снежную пыль. Запасные, почувствовав радость движения, хотели уйти вперед, но их сдерживала привязь, и они скоро приноровились к бегу ездовых. Атласов не оглядывался, он знал, что долго будет стоять Худяк и смотреть им вслед, а потом, закрыв ворота, соберет оставшихся, накажет строго следить за острогом.

Но дума о Худяке вскоре померкла, и новые мысли заплясали в голове то ли от быстрой езды, то ли от предвкушения встречи с неизвестной ему, Атласову, землей.

Как и предполагал Атласов, Худяк обрыскал весь острог, высмотрел все щели в ограде, заставил их забить, усилил наряд обходчиков, а потом, не усомнившись в верности казаков, поспешил к Ефросинье. Она уже распустила свои телеса, и довольное свободой тело отходило, как руки после обморозки. От такого довольства

дьяконовна зевнула столь сладко, что захотелось потянуться. Она потянулась, и от потягиваний ее стало быстро клонить в сон. Она наклонилась, чтобы задуть лучину и упасть на кровать, как в дверь повелительно постучали, и она, накинув на плечи платок, в рубашке до пят на цыпочках подкралась к порогу. Постучали вновь, но не столь решительно, и дьяконовна уже решила не отпираться, но дьявольское искушение полюбопытствовать потянуло ее за язык.

— Кто там?

— Это я, Худяк, — слышалось из-за двери. *шесть*

— Чего тебя носит?

— Открой. Дело есть.

— Одни у вас дела, кобелиные.

— Не морозь, Ефросиньюшка.

Дьяконовна подумала, впускать ли Атласова дружка или нет, но поскольку дума ее была короткая, она подняла крюк.

— Продрог, — сказал Худяк, ничего не разбирая в полутьме.

— Дверь закрой, выстужаешь! — крикнула Ефросинья уже с кровати.

— Разогреем, — засмеялся мягко Худяк.

— Все вы только на язык крепки, — игриво хохотнула Ефросинья, и Худяк подумал: «Вот хохотунчик», — удивившись такому неожиданному слову, он сказал:

— Ты, хохотунчик, не шути.

Ефросинья удивленно заворочалась на кровати.

— С чегой-то я хохотунчик?

— А так.

Худяк присел к печи и протянул руки к теплу.

— Знаешь, Ефросинья, зачем я завалился к тебе в темень? Не бойсь, не до тела твоего охочь, а вот разговор есть. Поскольку ты, хохотунчик, в Атласова так втюри-

лась, что в Якуцке, видать, злые люди языки чешут, и думаю, как бы в пути дьякону твоему не ударила в голову мечь.

— Как так?! — Ефросинью будто подбросила неведомая сила, и она вмиг очутилась возле Худяка и схватила его за плечи, чуть не повалив на пол. — Ты что говоришь?

— А то, — ответил спокойно Худяк. — И не тормози меня, душу вытормозишь.

— Брежут люди, Петенька. Нет дорожке мужа, и я ему верна.

— Не знаю.

— Значит ты...

— Ничего, Ефросинья, не значит, и не трусись, как лист на ветру. Просто знать хочу, не говорил ли что тебе муж.

Заломили Ефросинью здорово эти слова.

— Петенька, не было, милок, никогда, — дрожащим голосом ответила она. — Петенька, хошь на колени упаду, ноги поцелую. Не было чего такого...

— Поди ляж, Фрося. Я не дознатчик. А ты замерзла. Ляж и лежи спокойно.

— Разбередил всю, — всхлипнула Ефросинья и ткнулась в подушку. — Какой теперь сон.

— Ты про разговор забудь и засни. А я пойду. — Худяк поднялся и довольно потер руки.

— Куда, Петенька? — жалобно протянула Ефросинья.

— Мне будет страшно. — И уже молитственно: — Останься...

Худяк замялся, завертел шапку, затоптался с ноги на ногу, засопел, но потом, решившись, глухо ответил:

— Некогда.

«Что этот дьявол Петька мог заметить? Про Якутск болтал... Может, и бумагу туда уже настрочил? Тогда не

видать дьякону хорошего прихода, и подохнем мы с голоду. Они ж ведь далеко не ушли. Послать кого за Федосием? Пусть скажет, что больна, может, при смерти...»

— прикидывала в уме Ефросинья, кутаясь в одеяло, стараясь спрятаться от нахлынувших тревог в подушки. Едва забрезжило, а Ефросинья была уже у юрты юкагира Аверкия. С год назад, когда Атласов еще входил во владения острогом, Аверкий повздорил с атаманом, и тот велел заложить его в батоги. Отвел гнев Атласова дьякон. Аверкий был самолюбив и затаил зло на атамана. И сейчас, когда Ефросинья сказала, что ей неможется и что она может богу душу отдать, не повидав муженька, Аверкий, окинув жизнелюбивые стати Ефросиньи, усмехнулся, но в просьбе не отказал.

— Только у Худяка спрошусь.

— А без него нельзя? — спросила с надеждой Ефросинья. — Без него, Аверкий, а? Я благодарна буду.

— Ладно, — тут же согласился Аверкий. — С женой пойду прощусь.

— Но что б никто не знал, — напомнила Ефросинья.

— Хорошо, — кивнул Аверкий и нехорошо так осмотрел дьяконовну, что она потупилась.

— Где Федосий, — спросил Атласов, усаживаясь за еду. — Почему не идет. Остынет все.

— Юкагир в лагерь из Охотска пришел, — облизывая пальцы, сказал довольно Енисейский — оленина была на славу — и вытер руки о полу. — Позвать? — и он привстал.

— Известие дьякону?

— Жена, вроде, заболела...

— Ишь, — удивленно вскинул брови Атласов. — С чего бы! Может, чукчи? — голос его стал тревожен.

— Сказал бы... Так звать?

— Не надо. Сам придет. Ешь, Иван.

— Набил брюхо.

— Завтра ранехонько за перевал возьмемся. Вспомнишь. Пусть лучше брюхо лопнет, чем пропадет еда.

Когда с мясом было покончено, выпит кипяток и беспощадная лень, охватив руки, ноги, стала навевать дрему, зашуршал полог.

Дьякон, ни на кого не глядя, молча прополз к своей шкуре и, повернувшись спиной к костру, затих. Все молчали.

«Может, и в самом деле что с Ефросиньей стряслось, — думал Атласов. — Но она ж здорова, как корова. Наверно, Петьку сейчас охаживает. — Ему вспомнился ужимистый взгляд Ефросиньи, ее резко вскинутые брови и призывно раздувающиеся ноздри, и захотелось, не мешкая, броситься со всех ног в Анадырь, припасть к губам Ефросиньюшки. — Размечтался, олух царя небесного, — укорил себя Атласов. — Коль вхож в чужой дом, на добро не заглядывайся». Но светло-синий Ефросиньин взгляд преследовал его, подзывал, и он уже с сожалением думал, что зря не обратил на нее внимания, и сейчас, вспоминая все движения Ефросиньи, понял, что она звала его. «Козел ты старый, совсем чутье отбило». Вспомнил отцов наказ: «Чужая жена — святыня». Неловко перед дьяконом стало. Он позвал тихо:

— Федосий, а Федосий.

Тот молчал.

— Спишь? Спишь. Ну спи. Я тоже сосну. Утро вечера мудренее.

Костер слабо потрескивал, затухая.

✓ Утром на лагерь напали коряки-пенжинцы. В перестрелке трое из них были убиты. Остальные ушли в заиндевевшую тундру.

Атласов сокрушался:

— Нехорошо путь начат. Кровью дорогу польешь, на крови и поскользнешься. — Он присел на корточки перед убитыми и внимательно вглядывался в их лица. «Даже в смерти они загадочны. Ни ужаса, ни гнева, будто воевать и умирать для них одно и то же».

Взбудораженным казакам и юкагирам сказал:

— Они позарились на оружие наше и одежду. С их стороны это не грех. С ними надо в разговор вступать, лаской привечать. Толмач есть, пусть не бездельничает. — Он кивнул в сторону Енисейского. Тот стоял бледный и поежился, когда о нем упомянули. Атласов решительнее добавил:

— Впредь, лишь при опасности великой к ружьям прикладываться. Всюду стараться мирными речами камчадалцев под царскую высокосамодержавную руку призывать.

Когда говорить кончил, к нему подошел Енисейский.

— Дьякона убили.

Не ожидал такой вести Атласов.

— Врешь!

— Во сне. Мы побежали, про него забыли, а коряк пробрался в юрту и в спину стрелу всадил.

Покачнулся Атласов, круги запестрели в глазах. Схватив Енисейского за локоть, он почти поволок его к юрте. Про беду знали уже все и теперь расступались перед Атласовым и Енисейским молчаливо и враждебно.

«Боже мой, — думал лихорадочно Атласов, — за что напасть на мою голову? Провинился в чем? Разброду ждать надо и удержать в руках сейчас, сию минуту, иначе потом поздно, поздно будет».

— Федосий, — прохрипел Атласов и упал перед телом дьякона на колени. — Поверь, не хотел. — Он обернулся. Лицо его искривилось и стало ужасным. Казаки поту-

пили глаза. Лука Морозко придвинулся к Атласову, как бы защищая его, и решительно положил руку на эфес палаша.

— Одного оставьте, — попросил Атласов, и казаки, не дожидаясь, когда их подтолкнет Лука, попятились из юрты.

Полсг захлопнулся, и Лука занял место у входа. Никто не знал, что делал Атласов в юрте, никто не пытался придвинуться к входу, никто не обмолвился словом, но все сознавали всю тяжесть случившегося, и все, находясь под впечатлением смерти дьякона, смерти такой нелепой и ненужной, находились в подавленном состоянии и ждали Атласова.

Он предстал перед казаками грозным и решительным.

— Вы знаете, — говорил громко Атласов, осматривая лица казаков, ища в них поддержку, и, хотя не улыбочивы были сейчас казаки, а напряженность их лиц выдавала тревогу не только за себя, и именно эта напряженность подталкивала говорить слова хотя и простые, но значительные, способные пробиться к сердцу и засесть там гвоздем, — вы знаете, что мы не зря пришли в эту землю. Все надо увидеть, все надо запомнить. А земля незнаемая и настолько чудная, что зевать зевалками некогда — так мы и за сто лет не пройдем Камчатский нос.

Атласов примолк, и чувствуя, что потрясение от смерти дьякона сменяется вниманием к его словам, уже троникновеннее и тише продолжал:

— Сотоварищи мои. Что нам, людям российским, может помешать найти столько земель, сколько глаз не окинет, и со счета сбиться можно. На то мы и поставлены хранить границы российские, держать их крепче замка амбарного, а пуще прежнего, кто как не мы должны за-

ботиться о приумножении славы российской. Кто за пустозвонство мои слова принимает, пусть в круг выйдет, ибо нет, сотоварищи мои, крепче нашей матушки России, и за слова эти я готов биться честно.

Круг безмолвствовал. И никто не пошевелился, и все, будто замороженные, смотрели на этого чернбородого человека, который будто сковал их своими словами вместе, и сейчас пусть любой богатырь с любым мечом придет и попробует расколоть их единение, и всяк будет крепко посрамлен, ибо нет крепче дружбы казацкого воинства.

— Кто стоял сегодня в карауле? — спросил Атласов, и вопрос был настолько неожидан, что казаки сначала не поняли, о чем речь, но выдвинулся Морозко, назвал имена, и из плотной казацкой массы вытолкнули троих. Они стояли посреди круга, переминаясь с ноги на ногу.

— Что делать будем с ними? — спросил Атласов, но все нутром понимали, что нет тяжелее вины, чем проспать казаку в карауле, а кара одна — батоги, поэтому промолчали, заранее соглашаясь с тем, что сейчас произведут десятники. И эти трое уже шарили по поясам в поисках завязок, и было видно, что пальцы их не слушаются, и они, стараясь не глядеть товарищам в глаза, высматривали что-то под ногами.

Атласов, приблизившись к Луке, что-то шепнул ему на ухо. Лука кивнул головой.

— Завтра к перевалу, — и Лука показал в сторону сопки. — Всем готовиться. А вам на холме последнее пристанище дьякону готовить, — кивнул он троим.

Юкагиры, пока Атласов держал речь, столпились в стороне и внимательно прислушивались к его словам. Аверкий бегал от одного юкагира к другому, но все от него отмахивались, как от комара, и Аверкий, злясь, шептал проклятия Атласову.

Поближе к вечеру, когда уже начало темнеть, но сопки были видны отчетливо, словно вырисованные на выскобленном от туч небе, Атласов и Морозко пошли смотреть на перевал — не навалит ли северный ветер тумана. Они стояли на сопочке, слабый ветерок обдувал их лица, прохлада ласково и жестко старалась проникнуть под кухлянки.

— Лука, — спросил вдруг Атласов, — ты не помнишь, куда дели дьяконову стрелу?

— Стрелу? — переспросил Лука. — Наверно, в юрте оставили. Ты ж сам ее выдернул.

— Она лежала возле дьякона. Далеко я не мог ее забросить. Пойдем в юрту. Мне кажется, она была меченая.

— Их метят юкагиры, чтобы не перепутать добычу. Стрела — ценность. А я не догадался. Идем. Скорее. Если опоздаем, уйдет он.

И они, как два лося, бросились напрямки сквозь кустарник, подминая ногами жесткие ветки этого неприхотливого жителя сопки.

У юрты толпились казаки. Юкагиры увязывали тюки и, о чем-то переговариваясь, смеялись.

Увидев Луку и Атласова, все враз, предчувствуя, что могло случиться нечто ужасное и что это ужасное непременно выльется в суровый окрик атамана и подозрительный взгляд Луки, все смолкли и постарались отойти от юрты.

В юрте, однако, происходило такое, что казаки, видевшие все на свете, оторопело глядели, как раскачиваются опоры, как слетают покрышки, как сквозь сопенье прорываются слова: «Черт! Паскудство!». И юрта рухнула, прижав и Морозко, и Атласова. Те забились, словно попавшие в яму медведи; казаки не решались подойти — в свирепости рука атамана — ух! — как тяжела. Но хрип

Луки: — Да помогите же, черти! — словно подстегнул казаков, и вмиг стояли и Лука, и Атласов в людской подкове, разгоряченные, злые и пыльные, выкатанные в сажу.

Первыми словами атамана были:

— Кто в юрте был?

— Все были, — ответил за казаков Енисейский, вернувшийся из-за широких спин.

— Пошли, Лука, — отряхиваясь, сказал Атласов и, медленно подойдя к костру, сел на корточки перед огнем и взял в руки горящий прут. Лука, поплеывая на ладони, старался оттереть колени.

— Прошляпили мы с тобой, Лука, все на свете. И как только сами живы остались, ума не приложу. Но помню, меченая была стрела, и знак какой-то знакомый, будто видел где-то. Но только не у наших юкагиров. Кто-то чужой.

— Не Аверкия ли? — Лука подсел к Атласову.

— Мог быть и его. Но только стрел я у него не видел.

— В тундру с пустыми руками не ходят. Знаешь.

— Нож острый...

— Стрела быстрее.

— Да-а. — Атласов поворошил костер и оглянулся. Невдалеке стоял Енисейский и, стараясь казаться занятым своими торбасами, напряженно, словно конь, навел уши на голоса. Атласов позвал:

— Иди сюда, Иван.

Енисейский не заставил себя ждать.

— Последи за Аверкием, — вполголоса проговорил Атласов. — Но будь внимателен: он хитер.

— И еще, — добавил Лука, — попробуй достать у него стрелу. Но смотри, не попадись сам на ее острие.

Однако ночью Аверкий исчез.

СОДЕРЖАНИЕ:

Повесть

Атаман — 5

Рассказы

Степушка 115

Легче утопить в море акулу 136

Гости из туманной Британии 151